

УДК 93/94:342.37:323.273

Ивакин Григорий Анатольевич, доктор ист. наук, доцент, заместитель
директора ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва

e-mail: grivakin@yandex.ru

ОТ КРИЗИСА ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К ИСТОКАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВЛАСТИ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматривается политика государства в отношении Православной Церкви, реформы патриарха Никона, спровоцированные позицией царской власти, а также истоки зарождения анархического направления в общественно политической жизни России в середине 17 века. Идеиный коллапс, выразившийся в теневой, глубинной стороне общественной жизни по отношению к царской власти и к системе государственного управления в целом, к формальной обрядовой стороне Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государство, анархизм, государственное управление, раскол 17 века, религиозно политическая доктрина власти, «глубинный мужицкий демократизм», Русь, внешняя политика, внутренняя политика, Украинский кризис, реформация, атеизм, идеологические уклады человечества, теология, богословие.

Ivakin Grigory Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor, Deputy Director Psychological Institute of the Russian Academy of
Education, c. Moscow

e-mail: grivakin@yandex.ru

FROM THE CRISIS OF TRADITIONALISM TO THE ORIGINS OF THE POLITICAL CRISIS OF POWER IN THE 17TH CENTURY

Abstract. The article examines the policy of the state in relation to the Orthodox Church, the reforms of Patriarch Nikon, provoked by the position of the tsarist power, as well as the origins of the emergence of anarchist direction in the public political life of Russia in the middle of the 17th century. The ideological collapse expressed in the shadow, deep side of public life in relation to the tsarist authority and the system of state administration in general, to the formal ritual side of the Church.

Key words: Russian Orthodox Church, state, anarchism, state administration, 17th century split, religious political doctrine of power, «deep muzhik (peasant) democracy», Rus' (Russia), foreign policy, internal policy, Ukrainian crisis, reformation, atheism, ideological patterns of mankind, theology.

Мы живем во времени, когда парадоксальным образом, развитые как никогда прежде и эффективно внедряемые в практику социально-политической и экономической жизни управленческие решения, развиваются во все более и более анархистской среде. Иными словами, бурному развитию технологических идей сопутствует все более и более отчетливый процесс истощения смысловых и ценностных ориентиров. В период глобальной идейной стагнации система смыслов последовательно деградирует в некий разрозненный и оппортунистический набор ценностных установок, а те, в свою очередь, все чаще получают свою значимость скорее, в связи с модальностью сиюминутной политико-экономической конъюнктуры. Эпоха сверхидей представляется как бы завершённой. Сегодня никто, ни индивидуально, ни коллективно, не может предложить новый великий проект. Одновременно отвергается как любая попытка создания когерентной картины мира, так и утверждение неких незыблемых принципов ее формирования.

Наша страна не является исключением в этом общемировом процессе. Вместе с тем, на предыдущем этапе развития мировой цивилизации, почти все российские интеллектуалы были активными участниками фазового перехода, который повлек за собой то, что принято теперь называть вторым идеологическим укладом. Они непосредственно влияли на глобальную

траекторию мирового прогресса. При этом, некой общей чертой идентичности этих пионеров цивилизации будущего было то, что они являлись глубоко верующими людьми, сочетавшими в себе ответственность как за свою индивидуальную жизнь, так и за жизнь всего человеческого социума. Таким образом, в траекториях их жизни и творчества, вера и судьба переплетались в единую динамическую картину мира, устремленного к общему благу.

Нынешний анархистский кризис в сердце высокотехнологичной цивилизации – явный указатель на неизбежность рождения третьего, прежде всего идейного, уклада человечества. Предыдущий, но все еще доживающий свой век, уклад дает нам отчетливо понять, что на новом этапе ошибочно отдавать приоритет исключительно технологическим идеям. Собственно, сборка идей и людей вокруг именно такого приоритета и стала причиной тупика, в котором оказалось человечество на настоящем этапе своего развития. Действительно, именно отрыв идей от их источника – от человека, в его социальной и психосоматической совокупной конкретике – стал началом одновременно и прорыва, и дальнейшего кризиса периода второго идеологического уклада.

В настоящее время, пройдя длинный путь капиталистического развития и вернувшись вновь к проблеме человека, наша цивилизация осознала в индивиде свой базовый ресурс, определив его теперь как свой человеческий капитал. Именно идея человеческого капитала все более и более представляется теперь точкой входа в новый уклад. Приходит осознание первичности человека по отношению к идее, а значит и его приоритета: человека, над другими факторами прогресса.

Одним из самых ярких моментов в истории русской цивилизации, связанных с вырыванием идей с почвы человеческого капитала (конкретного социума и его живой традиции) является старообрядческий раскол XVII века. Трансформируя систему своих приоритетов, земная власть узурпировала «небесные права» источника авторитета (в русском обществе) и монополизировала ореол святости (но не саму святость), лишив тем самым

Церковь права быть источником авторитета и сферой святости русского народа. В своем метафизическом сознании оставаясь предвестницей Церкви Небесной, истинного источника авторитета и святости, земная Церковь Руси против своей воли получила функцию хранителя ореола – авторитета и святости земной структуры. С богословской точки зрения вместо того, чтобы черпать от Церкви необходимые силы для праведного управления, государственный аппарат сделал себя источником этой силы, определив Церкви министерскую роль трансляции своей власти и идей.

Таким образом, Церковь перестала восприниматься сначала самой властью, а затем все больше и народом, как проявление Церкви небесной в феноменальном мире и в социо-историческом контексте Руси. Идея Церкви все более теряла свое подлинно-теократическое измерение, превращаясь в производную концепции абсолютизма. Иными словами, формула, превалировавшая в структуре русского общества до раскола и выстраивавшая многовековую вертикаль русской картины мира – Бог-Церковь-Государство – трансформировалась в новую, но глубоко чуждую русскому народу формулу: Бог-Государство-Церковь. Позднее, уже на излете проекта Романовской династии в России, Уваров попытается воскресить исконную идею, чтобы вернуть русское общество к прежней, родной для него, социо-системной модели через знаменитую триаду: Православие-Самодержавие-Народность (Церковь-царь-народ). Но инерционные процессы, заложенные в эпоху русского раскола начала эпохи Романовых, невозможно будет уже остановить.

В этой связи, важно понимать психологию, процедуру созревания идейных сюжетов и последующих системных механизмов в среде тех, кто волею судьбы оказался в центре принятия решений на соответствующем историческом этапе становления Российского государства. Особенно важно, проанализировать окружение, быт, научное знание той политической элиты. Иными словами, вопрос состоит в том, чтобы понять, на какой почве вызревала, через призму каких идей проходила, через опыт какой жизни преломлялась эта будущая

трансформация русской теоретической картины мира в русскую абсолютистскую картину мира, ставшую предтечей модели анархистской.

Рождение идей никогда не происходит из неоткуда. Этот процесс всегда есть некое творческое следствие, некое диалектическое развитие предыдущих культурно-цивилизационных решений. Идеи рождаются на некой уже сформированной почве, как и наследственность новорождённого ребенка заранее определяется генетикой его родителей.

За всю мировую историю и историю российской государственности было немало крупных, цивилизационных идей, весьма значительных и просто значимых для национальных и наднациональных систем управления. Но социальная структура обществ такова, что обычные люди остаются далеки от эпицентра вызревания таких идей, они не живут жизнью – и, соответственно, перспективой – идеологов, в чьих умах эти идеи вызревают. Таким образом, как правило, идеи на людей попросту сваливаются, как «гром среди ясного неба», что зачастую имеет поначалу шоковый эффект в обществе. Вместе с тем, принято считать, что поворотная или прорывная идея полезна, но она требует усилий и, несет некие издержки, которые впоследствии принесут сверхрезультат, и как следствие – райское благо.

Нужно отметить, что к середине XVII века Русь подошла с большим объемом внешних контактов. Подобная системная открытость внешнему миру России не могла не повлиять на ситуацию, в которой умы политической правящей элиты активно осмысливали актуальные заграничные идеи.

Раздираемая конфликтами рассудка, некогда единая религиозно, Европа встала на путь идейной децентрализации. Папский двор, пребывая в прелести собственной власти, считавшейся в качестве данной от Бога, но выраженной во власти земной, фактически утратил контроль над ситуацией. Европа оказалась в «пожарище религиозных войн». Одно религиозное течение порождало множество других.

Богословское вольнодумие привело к переосмыслению и низвержению канонических христианских догматов и, как одно из следствий, к развенчанию

мифа о богоданной монархической власти. Фундамент религиозного мировоззрения христианской Европы оказался изъеденным императивами рационализма и материализма, чтобы впоследствии уступить место новому базису господствующего атеизма.

Сквозь последующие века, атеизм, как теория, привел страны и народы Европы к политическому коллапсу, к агонии власти, изначально смоделированной в контексте политической теологии церковной доктрины. Атеистическое миропонимание находило все больше сторонников, авторитет Церкви был низложен, идеи рационализма захлестнули европейскую цивилизацию. Европа стала светской, монархическая власть стала политической декорацией правящего строя, за кулисами которой разворачивалась борьба среди когда-то ярых ее приверженцев за ее (монархии) окончательное низложение в системе государственного управления. Политический театр продолжал разжигать пламя революционный борьбы.

Вполне естественно, что превратившийся в ураган в Европе XVII века дух реформаторского бума не оставил равнодушными умы царского двора в России. Раздирая Европу религиозными реформами и философскими идеями буквально на части, этот «дух революционных реформ», через международные контакты, донесся и до Московского государства. Таким образом, отзвуки европейской стихии перемен доносились и до российского трона. Нахлынувшие из Европы идеи не могли не отложить соответствующий отпечаток на поведение политической элиты, интеллигенции и других ярких представителей общества российского государства. Брожение в умах политической и общественной элиты началось задолго до петровских преобразований.

В отношении системы власти в России сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, царская власть в России не утратила христианских основ своей легитимизации, по-прежнему власть монарха и всей системы власти зиждилась на религиозной почве. С другой стороны, изнутри двора, вся система государственного устройства стала выстраиваться на основе обновленных, рационализированных и секуляризированных религиозных императивов власти.

Двор одновременно строил власть на старом основании, но на новых принципах: воплощал дух реформаторства на Руси, но делал это с учетом плачевного европейского опыта десакрализации власти и уничтожения собственной цивилизационной идентичности.

Ставка русского двора на религиозную идентичность очевидна. Невозможно представить историю России без тысячелетней истории христианства на Руси во главе с Русской православной церковью. Православие принесло на Русь новую богословскую картину мира и связанные с ней культуру и философию жизни. Безусловно, христианство оказало влияние на становление и эволюцию российской государственности, историю народностей на ее территории, историю становления института семьи, на взаимоотношения между людьми и властью.

Судьба православия и судьба России неразделимы. На протяжении многих веков русский народ, как единый церковный организм с молитвой засыпал, и просыпался, с молитвой работал, с молитвой садился за стол, продолжал род и провожал усопших с именем Бога на устах. Чтение жития святых входило в повседневный быт верующих, с особым духовным благоговением и торжественным размахом отмечались церковные праздники.

Однако, любая религия несет печать другого культа, более раннего верования и его оформления (т.е. печать миропонимания предыдущих поколений: их опыта постижения и познания Бога и природы). Таким образом, религия есть символический текст, в котором отражена эволюция взглядов социума на природу, Бога и свое место в мире. Религия – способ систематизации глубинного цивилизационного опыта в потоке всемирной истории человечества. Поэтому, каждая религия в своем развитии взаимосвязана с другой, несёт печать мудрости предков, а также печать диалога с соседними культурами. Таким образом, религиозный фактор, в различных социокультурных средах, несет в себе нечто универсальное и нечто индивидуальное. Он роднит идейно человечество, но, вместе с тем, индивидуализирует конкретный опыт данного этноса и нации.

Привитое на почве славянского язычества на Руси, Русское православие изначально представляет собой квинтэссенцию и переработанный в традицию результат диалектики идей греко-римской античности, иудаизма, восточного византийского христианства, ислама. К началу институционального оформления Православной веры на Руси – это уже сложный сублимат множества религиозных традиций, уставов, учений и обрядов. Церковную структуру Русская Церковь приняла от Византии. Устав своей жизни и богослужения – от Святой Земли (Студийский устав, монастыря Саввы, Освящённого Иерусалимской православной церкви). Священную историю – от иудейской ветхозаветной традиции. Огромную роль в выстраивании идеальных моделей духовной жизни и морального облика Русская Церковь черпает из монашеской традиции Египта, Палестины и Сирии. Наконец, многие аспекты обрядовой и интеллектуальной традиции сформировались через призму конфликта и диалога с исламом и католичеством. Иными словами, в контексте всемирной истории человечества, Русское Православие – это уникальный конгломерат культурно-духовных наслоений, переработанных в неделимое пространство единого духа русской цивилизации. В этом исконном, вековом «выборе веры» Русь просуществовала вплоть до второй половины XVII века.

Но у этого процесса есть и обратная сторона: обрядоверие. Когда верхний слой, сложившийся и кажущийся неподвижным образом, вырванный из динамики своей исторической эволюции, представляется самодостаточным в самом себе, в факте своего ритуального воспроизводства. Подобное обрядоверие, сегодня, можно перевести и, как антропологию без цели. В исторической же перспективе Церковь может включать в себя много обрядов и религиозных практик, при этом она не должна в них растворяться.

Тогда как внешне, русский раскол будет знаком того, что в определенной мере русский народ в XVII веке не избежит ловушки обрядоверия, само глубинное ощущение динамически развивающегося процесса становления традиции, он сохранит в организации своей общинной жизни и в способе ведения экономической жизни.

Обратимся к мнению В.А. Кокорева, старообрядца-поморца, первого нефтезаводчика России, который в XIX веке писал: «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества, засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу» [2].

Общеизвестно, что к началу XX века в руках представителей старообрядчества¹ было сосредоточено 64% всего российского капитала. Старообрядцы дали стране 2/3 всех предпринимателей миллионеров... являлись выходцами из простой крестьянской среды [1, с. 6-7].

Из старообрядческой среды вышли многие выдающиеся деятели: М.В. Ломоносов, атаман М.И. Платонов, поэты Ф.Н. Слепушкин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков, Б.Н. Корнилов, писатели Ф.В. Гладков, А.М. Волков, И.А. Ефремов, художник К.С. Петров-Водкин, и скульптор А.С. Голубкина, академики Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачев, народный академик – земледелец Т.С. Мальцев, театральные деятели С.И. Зимин и К.С. Станиславский (Алексеев), министр Временного правительства А.И. Гучков и советский министр обороны СССР Д.Ф. Устинов [1, с. 7-8].

Церковная реформа патриарха Никона, начавшаяся в 1653 году, приводит к трагическому расколу русского общества на два лагеря: тех, кто вольно или невольно принял новшества, и тех, кто не пожелал их принять [1, с. 8]. Обряд и хозяйствование русского мужика получают некий антагонистически настроенный к нему полюс в конструкте русского мира (которому последний – так же чужд). Действительно, получилось два типа – бородатый мужик и безбородый барин, которые отличались друг от друга не только внешним обликом и одеждой, но, что гораздо важнее, культурой и даже языком.

Начитанный, богатый купец старообрядец с бородой и в русском длиннополом платье, талантливый промышленник, хозяин для сотен, иногда

¹ Династии Морозовых и Рябушинских, Кокоревых и Гучковых, Поляковых и Хлудовых, Рахмановых и Бугровых, Зиминых и Солдатенковых.

тысяч человек рабочего люда, и в то же время знаток древнего русского искусства, археолог, собиратель икон, книг, рукописей, разбирающийся в исторических и экономических вопросах, любящий свое дело, но полный и духовных запросов, такой человек был мужик; а мелкий, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, в сущности малокультурный... всех выше себя стоящих, втайне критикующий и осуждающий, мужика глубоко презирающий, один из предков грядущего русского интеллигента,- это уже «барин» [1, с. 9]. Русский раскол закрепил и обнажил это новое по отношению к предыдущим эпохам противоречие психологии Духа в Российской империи. Тогда как раскол олицетворял плоть русского народа и его природную организацию, безбородый барин – вобрал в себя функции управления, внешние и чуждые этому организму.

Данное противоречие имело вполне конкретный международный политико-экономический контекст, определивший динамику дальнейшего отчуждения.

Любой исторический период является переходной эпохой. Неповторимый, «неизменный» и «меняющийся» XVII век не исключение, это время «рождений» и «отмираний». Общественно-политическая и социально-экономическая напряженность XVII столетия в мире традиционно характеризуются Английской революцией, которая положила начало новому времени в мировой истории. Не менее значимыми и напряженными событиями в мировой региональной политике явились на тот момент Фронда во Франции, две крестьянские войны и городские восстания в России, восстания 1647-1648 гг. в Южной Италии и Сицилии, восстание 1648 г. в Австрии, восстание 1648-1651 гг. в Польше, восстание 1650-1653 гг. в Швеции, национально-освободительная война на Украине и др.

В России – это время перехода от средневекового общества к обществу нового времени. Это век окончательного оформления крепостного права в России вплоть до его отмены в 1861 году, наряду с продолжающейся централизацией и расширением территории. Век усиления роли

государственного аппарата, расширения международных экономических и культурных связей.

Следует отметить особенности планеты того времени – население Земли в XVII веке составляло около 600 млн. человек. Среднегодовые темпы прироста населения в мире были не более 0,3% в год. С этим соотношением население России в первой половине XVII века составляло 7 млн человек и к 1676 году – 10,5 млн человек, в т.ч. за счет присоединенных территорий. Территория России на начало правления Алексея Михайловича составляла 12 млн кв. км, а к 1676 года увеличилась до 14 млн кв. км. Административно-территориальное деление страны было представлено 250 уездами. Россия была не самой крупной державой на тот момент. И такой масштаб территории страны был неизменным вплоть до середины XVIII века [3; 4; 5; 6].

Таким образом, отчуждение, порожденное и символизируемое расколом, нашло плодородную почву для своего углубления в том числе в таком факторе, как недостаточный учет демографической ситуации, потребностей и ожиданий общества, ментальности народов, составлявших страну и народов вновь присоединяемых территорий.

Очевидным представляется тот факт, что у государственной власти того времени было слабое понимание потребностей общества, стремлений народа, участия общественного сектора в развитии экономики страны. Слабое развитие народной демократии обуславливалось установлением устаревшей уже для того времени формы государственного управления в виде самодержавной монархии. Реформы, намеченные в этих условиях царем Алексеем Михайловичем и его окружением, не разъяснялись в должной мере большинству населения страны.

Внешнеполитическая провокационная стратегия европейских держав и российская политика маневренной дипломатии привели к быстрым и опрометчивым реакциям со стороны власти. Проведение проекта царских реформ в режиме блицкрига, который слабо учитывал объективные внешнеполитические реалии того времени, только усугубляли динамику раскола.

Само воспитание русского монарха, Алексея Михайловича, проходило в русле западноевропейского воспитания под руководством учителя-шотландца Мезенеуса. Немецкие игрушки, немецкие игральные карты – все это сформировало Алексея Михайловича с определенным мировоззрением. С самого начала крестоносец монарх взял сильный западный вектор в проработке форсированной модернизации страны.

При этом окружение и сам монарх мало уделяли внимания вопросу сравнительной аналитики поступательного развития Запада и Востока. На невозможность выработкой властью адекватного усредненного варианта реформ, повлияла недооценка воображаемого и существующие реалии. Невозможность и общественного обсуждения плана модернизации страны привели впоследствии к расколу российского общества. По меткому утверждению, сформулированному А.И. Солженицыным о том, что без XVII века не было бы и 1917 года [8, с. 323].

В этой перспективе происходит трансформация сюжетных идей развития России, трансформация принципов его теократической организации в абсолютистскую, превращение Церкви из источника авторитета в средство внедрения непопулярных, но насущных реформ.

Без Церкви осуществить подобный амбициозный план реформ в конкурентной политике было практически невозможным. Как следствие, можно наблюдать практическую имплементацию духа реформаторства в Церкви и, через Церковь, в народе. Протестантский принцип территориализма, выкристаллизованный в период реформации и религиозных войн в Европе – «*cuius est regio, illius est religio*» (чья власть, того и религия) – в контексте нарождающегося русского абсолютизма, претворяет Церковь в атрибут государственной машины. Именно XVII век породил практику власти «прикручивать» Церковь к значимым общественно-политическим проектам. Церковь в лице патриарха Никона была сослана на обочину общественно-политической и социальной жизни страны, так же как были сосланы и сами сторонники старого обряда.

Отсутствие проектной альтернативы, баланса общественных интересов, действенного механизма консенсуса, как общественной культуры, исторически сложившаяся практика балансировки мнения политической элиты и мнения народа в России привели к политической турбулентности и очередной изолированности, и оторванности.

Несмотря на существование зачатков институтов народного представительства, в условиях самодержавной власти, в России XVII века отсутствовал полноценный законодательный орган народного представительства, властью не учитывалась европейская тенденция представительной монархии, парламентские традиции во всю развивавшиеся в европейских странах.

Самоуверенность политической элиты, ее претенциозная наглость стали неким исторически сложившимся внутренним грехом страны, некой хронической болезнью, приводящей от раза к разу к опрокидыванию державы в ее устремлениях к лучшему.

Таким образом, тогда, в XVII столетии, власть утратила в лице Церкви солидарных, но критических голосов. Панславистская идеология, которая развивалась в дальнейшем из заложенных Алексеем Михайловичем реформ, в среднесрочной и долгосрочной перспективе ослабили страну.

Светский имперский проект, основанный на идеологии «Москва – Третий Рим», столкнулся с не менее вселенской идеей Церкви патриарха Никона: «Москва – новый Израиль». Оба проекта, тем не менее – как уже было отмечено с ссылкой на В.А. Кокорева – в глазах раскола, а в нем и всей массы русского народа явились в сущности ничем иным, как засорением «насильными пересадками» родной почвы и смещение фокуса внимания с развития человеческого капитала Руси в сферу развития абстрактных идей и прожектов. Как следствие, Россия получила замедление своего социально-экономического развития.

Инструментализируя Церковь и, таким образом, провоцируя раскол, государство также не учло и еще один фактор. Хотя Церковь XVII века в России

– своего рода единственная распределенная по всей стране информационная медиаплощадка ретрансляции новостей в государстве и от государства, в представлении людей она не являлась неким идеальным и безгреховным рупором Небес. Абсолютного авторитета у духовенства в народе не было. Психология масс имела множественную ориентацию. Объективное понятие веры в Бога и интерпретация понимания веры в Бога людьми, исходя из конкретной исторической эпохи, несут разную нагрузку. Именно этого религиозно-идеологического фона своей эпохи царский двор не понял и не осознал, выбрав чуждую, не прививаемую народу теоретическую подложку намеченных преобразований. Таким образом, общественно-политическая стабильность в стране (и как следствие успешность выдвигаемых временем социально-экономической инициатив и их реализация) были подорваны. В ситуации трансформационных процессов и ощущения идейной подмены в обществе, вынудили народ воспринять обрядовый аспект как лакмус истинности, приверженности исконному и подлинному. Обрядоверие из аспекта религиозно-идейной эволюции сознания социума, в ситуации Большого Проекта безнадежных оснований в психике народа, превратилось в фактор дестабилизации общественно-политической и социальной жизни страны середины XVII века.

В этом смысле, Европейская реформация и церковная реформа середина XVII века имеют некие общие особенности. Речь идет о понимании (схватывании) обществом наносной обрядности. Когда дело касается изменений церковного ритуала, не имеющего ничего общего с глубинной, истинной верой человека в Бога. И в Европе, и в России эта обрядовая казуистика явилась фактором дестабилизации общественно-политической и социальной жизни. Ритуализация, это часть того религиозного опыта понимания человеком божественной природы, ее демонстрации в историческом и мифическом выражении на земле, некое упорядочивание сущностных черт такого проявления свойственных психологии человека.

Духовный опыт учит личному отношению с божественной природой. Такое знание у русского человека к тому времени имелось. Этот религиозный опыт внутренне освобождает человека. Напротив, обрядность, ритуал закрепощает в тиски богословски окрашенных, но возведенных в божественный ранг правил и традиционных установлений. Заорганизованность, регламентация внутренней свободы человека рождает протест и недопонимание одновременно. Отсутствие внутренней свободы, там, где человек желал бы ее сохранять, в образе земной Церкви, от несвободы внешней, установленных государством правил и ограничений, в совокупности порождает общественное напряжение и выходит в конфликт.

Скованность церковной организацией внутренней свободы человека, нивелирует, собственное Я человека, автоматически, в глазах общества, инкорпорирует Церковь в ту же действительность, которая вне стен храма, в суету и тщету приходящего мира. В таком случае, в сознании общественных масс, духовное материализуется и выходит из-под контекста сакрального.

Именно эту тонкую грань, которую было сложно увидеть, и осознать при реализации масштабных политических и социально-экономических устремлений и не учитывало боярство и царь. Как следствие, психосоматическое общественное напряжение вылилось сначала во внутрицерковный конфликт, затем – в конфликт церковно-государственный, и, наконец, развилось в общественный протест. Подобная атмосфера в государстве отвлекала внимание от реализации как внутри, так и внешнеполитических задач.

Основываясь на концепции коллективного разума, можно сказать, что в основе своей протест – не столь важно в какой форме и с какой мерой активности заявляли о нем разные социальные слои населения – спустился в массы, которые не справились ни с его творческим осмыслением, ни с определением характера политического действия перед лицом системы государственного управления. Иными словами, общественная реакция не породила «перезагрузки» управленческой вертикали и не создала предпосылок для нового политического мышления в текущий момент. Московское государство, пошло по пути

глобального тренда, но в его хвосте. Власть в России вступила на уже пройденный на тот момент европейскими странами этап модернизации. Однако, в то время, европейские страны уже активно продвигались по пути новых этапов научной революции и модернизации экономики в условиях стремительно развивающихся научных знаний и прогресса. Мы оказались фактически догоняющими по развитию и стратегически отстающими, по существу.

Великий проект идеи, это прежде всего человеческий капитал, по словам Ирины Антоновой он сродни «национальной, что создается в каждом человеке» [7].

Реформы Алексея Михайловича и Ко в XVII веке – грандиозный, прецедентный проект внедрения наднациональных основ с помощью религиозного ритуала в традиционную культуру российской государственности.

В этом интернациональном проекте XVII века патриарх Никон стал винтиком в сложной геополитической и внутривластной шахматной партии.

Гордыня правителей и внешнее управление – против развития изнутри как в биологии. Когда ритуал – это не несвобода, а свободное выражение единого в множестве.

Раскол, «символ гордыни» – историографическое название, не просто протест части общества против изменения религиозного культа, более глубокий вызов всей системе государственного управления, власти, против изменения матрицы самосознания нации посредством церковных установлений. «Ген противоречий крови» был заложен в фундамент последующей государственной системы управления страной.

Гордыня родила анархизм во вне себя, но внутри своей системы.

Власть реализовывала макро-имперский проект, который породил микро-старообрядческий проект анархизма, «символ гордыни».

Произошло противопоставление политической элиты, интеллектуалов с одной стороны и народа, изолированность элит от общества.

Власть, вовлекая общество в общественно-политическую жизнь, должна была предвидеть последствия такого шага, проанализировать систему организации общества, как такового «от менталитета до быта» или в иной интерпретации «от сохи до престола».

Схемы, планы, стратегии, определение каких-то механизмов – это лекарственная терапия и хирургия – продлевает жизнь прежнему, старому, но только на время – умирающему дается шанс либо проститься, либо перейти в иное измерение с радостью.

Необходима первоначально вакцина, далее возрастить новое и здоровое. Нужен новый идейно-политический алгоритм мироустройства и, как следствие, новое понимание материального в мире.

Высокая идея не должна замыкаться на узком круге, и потом притворяться в жизнь по отношению к определенному институту, «грубо» затрагивая людей, отражаясь на их жизни и умонастроениях. XVII век – это «переворот» существующих порядков и вековых устоев.

При этом следует помнить, что познание – вечная категория человека... познаю, значит существую, и существую не напрасно, пытливая природа человека, требует все время новых и новых ощущений и возможностей.

Какова идея, такова самооценка нации.

Список источников:

1. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев / Кирилл Кожурин. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 555 с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
2. Кокорев В.А. Экономические провалы. – М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. – 336 с. (Серия: Экономическая история России).
3. Моя история. Романовы. Медиагид. – М.: Фонд Гуманитарных проектов, 2017. – 44 с.

4. Моя история. Рюриковичи. Медиагид. Составители: архимандрит Тихон (Шевкунов), П.В. Кузенков, А.Л. Мясников. – М.: Фонд Гуманитарных Проектов, 2016. – 52 с.
5. Мясников А.Л. Моя история. Романовы. Интересные факты. – М.: Фонд Гуманитарных Проектов, 2017. – 68 с.
6. Мясников А.Л. Моя история. Рюриковичи. Интересные факты. – М.: Фонд Гуманитарных проектов, 2016 – 54 с.
7. Познер. Гость Ирина Антонова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZKj01LZJHwMSK27u?experiment=948512>
8. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын. – Ярославль, 1997. – Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия.